

п е р е в о д ы

Маршалл Маклюэн

Кредитная карточка <sup>I</sup> бедняка

Глава из книги "ПОНЯТЬ ГЛАШАТАЯ:  
средства массовой ~~информации~~<sup>2</sup> коммуникации  
как продолжения человека"

Видное место в современном фрейдистском психоанализе занимает тема связи между "денежным комплексом" и телом человека. Есть фредисты, придерживающиеся мнения о происхождении денег из того же импульса, который побуждает малолетних детей играть с собственными испражнениями. Так, Ференци<sup>3</sup> утверждает, что деньги суть "не что иное, как высущенные и лишенные запаха нечистоты, коим придан блеск". Это разработка идей Фрейда, изложенных последним в работе "Характер и анальный эротизм"<sup>4</sup>. Но, хотя мысль об увязке "грязного барыша" или "презренного металла" с проблематикой эвакуации кишечника и находится на магистральной линии психоаналитического теоретизирования, она все же раскрывает природу денег и их роль в обществе не настолько, чтобы этого хватило для наполнения содержанием нижепредлагаемой главы.

Деньги начинаются в небуквенных<sup>5</sup> культурах с богатства, то есть какого-то товара, вроде китового уса на архипелаге Фиджи или крыс – на острове Пасхи: крысиное мясо считалось у островитян лакомством и потому крысы стали предметом роскоши и, тем самым, превратились в инструмент посредничества и меновой торговли. Когда в 1574 г. испанцы осаждали Лейден, в городе выпустили было кожаные деньги, но, по мере того, как положение осажденных ухудшалось, горожане стали варить эти новые деньги и употреблять их в пищу.

И в буквенных культурах обстоятельства могут привести к возрождению товарных денег. Голландцы во время второй мировой войны, попав под немецкую оккупацию, очень страдали из-за недостатка табака. Запасы тобачных изделий были очень скучны, и такие ценности, как ювелирные украшения, драгоценные камни и даже дома обменивались на небольшие количества сигарет. Журнал "Ридерс Дайджест" как-то рассказывал о характерных для по-

словоенной Европы эпизодах: нераспечатанная пачка сигарет служила валютой, переходя из рук в руки, чем достигался обмен — и, следовательно, перевод — навыков одного рабочего на плоды труда другого рабочего; и это длилось до тех пор, пока кто-то не вскрывал пачку.

Деньги всегда сохраняют кое-что из своего первоначально-го товарного и общинного характера. В самом начале назначение денег — а оно состоит в распространении хватательной способности за пределы узкого круга, внутри которого находятся близлежащие запасы и богатства, в направлении более удаленных благ — ощущается слабо. Выигрыш в подвижности захвата и обмена также сперва невелик. Примерно так же обстоит дело со становлением речи у ребенка. В первые месяцы жизни хватание — инстинктивно, а вот умение выпускать схваченное появляется лишь у годовалого ребенка. Речь приходит вместе со способностью отпускать схваченное. Это дает власть отделять себя от окружающей среды, что равнозначно способности к большей подвижности в познании окружающего мира. То же происходит и с деньгами, которые мыслятся скорее валютой, чем богатством. Валюта есть способ выпускать из рук захваченные некогда близлежащие товары и запасы, служившие поначалу деньгами, ради распространения обмена на всю целокупность социального комплекса. Обмен с помощью денег основывается на принципе попрежнеменного хватания и отпускания, каковые движения образуют в совокупности повторяющийся во времени колебательный цикл. Одна рука держит предмет, которым соблазняют другую сторону. Другая рука в это время тянется к вещи, которую желательно получить взамен предлагаемой вещи. Первая рука разжимается по мере соприкосновения второй руки с вожделенным объектом — это напоминает циркача на трапезии, меняющего однушу перекладину на другую. Элиас Канетти доказывает<sup>6</sup> в своей книге "Толпы и власть", что и в самом деле торговец повседневно практикует один из самых древнейших трюков, а именно: умение лазать по деревьям и прыгать с ветки на ветку. Канетти обнаружил перевод в финансовые термины одного из древнейших паттернов<sup>7</sup> движения; этот образец передвижения был усвоен некогда крупными древолазающими обезьянами, научившимися хва-

тать, выпускать и рассчитывать нужный момент. Подобно тому, как рука среди древесных ветвей обучается паттерну хватания, который вырабатывается из движения руки, подносящей пищу ко рту, торговец и финансист разрабатывают захватывающие отвлеченные операции, занимаясь зачаровывающей деятельностью, которая есть продолжение подвижности крупных обезьян, алчно рискавших по деревьям в поисках пропитания.

Как и всякое иное средство информации, деньги суть ресурс, природное богатство. Будучи вынесенной вовне и здимой формой влечения к переменам и обмену, деньги являются собой некий общепринятый, корпоративный образ, который в своем статусе зависит от общества, учреждающего этот статус. Вне участия в жизни общины деньги смысла не имеют, как в том убедился Робинзон Крузо, когда ему посчастливило найти монеты на разбитом корабле:

"При виде денег я засмеялся про себя. - У, отрава! - произнес я вслух. - Ну и чего ты теперь стоишь? По мне - так ничего, даже нагибаться за тобой не стоит: один такой ножик дороже мне всей этой кучи денег: ну, на что мне здесь деньги? Оставайся-ка здесь, где ты теперь валяешься, а то - давай на самое дно, как негодная тварь, недостойная спасения.

Но, по некотором размышлении, я подобрал деньги; завернув взятое в кусок холстины, я стал подумывать, как бы проплыть сюда ещё раз..."<sup>8</sup>

Примитивные товарные деньги, подобно магическим словам в небуквенном обществе, способны хранить силу и власть и зачастую дают случай для проявления лихорадочной хозяйственной деятельности. Туземцы Южных Морей<sup>9</sup>, предаваясь подобной активности, не преследуют никаких экономических выгод. За одержимостью производства каких-то благ может последовать преднамеренное уничтожение произведенного. Но и в подобных "культурах потлача"<sup>10</sup>, тем не менее, воздействие валюты состоит в перераспределении, передаче и ускорении присущих человеку энергий, причем тем способом, который обрел универсальность, когда античный мир усвоил технологию фонетического алфавита.

Деньги, как и письменность, властны специализировать и канализировать энергии человека, меняя их значения и направления, точно так же, как и переводить труд одного рода в работу иного рода и сводить различные работы к какой-то одной разновидности деятельности.

Потлач распространен весьма широко, появляясь чаще всего там, где нет чрезмерных препятствий для собирательства или производства пищи. Для примера, рыбакам Северо-западного побережья Канады или рисоведам Борнео<sup>II</sup> приходится уничтожать создающиеся в результате перепроизводства излишки, — во избежание возникновения классовых различий, которые могли бы разрушить устоявшийся общественный порядок. Путешественники видели, как, во исполнение определенных обрядов, на Борнео огромные кучи риса мокли под дождем, а искусные, созданные упорным трудом сооружения — безжалостно рушились.

В то же время, в таких первобытных обществах, где деньги уже способны высвободить бешеную энергию, растратающую на приобретение кучки медяшек, обладающей магическим престижем, приобрести за эти деньги можно очень немногое. Богачи и бедняки живут, в силу необходимости, во многом одинаково. Теперь, в век электроники, богатый человек низведен до развлечений, во многом совпадающих с теми, которыми заполняет свой досуг бедняк, и даже пища, которую ест богач, и экипажи, на которых он ездит, почти такие же, как у обычного человека.

Использование какого-то товара в качестве денег приводит, естественно, к расширенному производству этого товара. В семнадцатом веке неспециализированная экономика Виргинии могла вполне обходиться без рафинированной валюты европейского типа. Капитала у виргинцев было мало, а желания владеть капиталом в форме денег — ещё меньше, вот виргинцев и потянуло к товарным деньгам. Стоит учредить некий товар, скажем, табак, в качестве узаконенной валюты, как в итоге стимулируется производство табака, точно так же, как институализация металлической монеты способствует росту металлодобычи и процветанию горного дела.

Деньги, будучи принятым в обществе способом распространения и усиления трудовых затрат и рабочих навыков посредством

облечения таковых в легко схватываемую и удобно переносимую форму, теряют значительную долю своей магической власти с приходом репрезентативной валюты<sup>12</sup>, то есть бумажных банкнот. Точно так же, как речь лишилась волшебного дара, а изобретение книгопечатания уничтожило остатки былой магии устного слова, так и чарующий ореол денег исчезает по мере вытеснения золота отпечатанными в типографии банкнотами. Сэмюэл Батлер в своей сатире "Едгин" (1872)<sup>13</sup> занимающийся истолкованием таинственной власти, дарованной благородным металлом, точно и четко выявляет это. Для высмеивания денег как средства массовой информации он помещает извечное благоговение перед деньгами в новый социальный контекст. И новейшие деньги — эти абстрактные отпечатанные типографским способом дензнаки эры высокоразвитой индустрии, полностью отвлеченные от товара — такого отношения к себе просто не выдерживают:

"Это — истинная филантропия. Тот, кто наживает колоссальное состояние на торговле трикотажем и добивается снижения себестоимости фунта вязаной шерсти на тысячную долю пенни, — такой человек стоит десятка профессиональных филантропов. Но чем уж совсем поразили меня едгиниане, так это тем, что у них всякий, кому удается сколотить за год больше 20000 фунтов стерлингов, освобождается от всех налогов, — это считается у них высоким искусством, которое столь драгоценно, что просто недопустимо как-либо беспокоить такого человека; как они говорят: "Сколько же он должен был сделать для общества, чтобы общество дало ему столько денег?"; вот какие у них замечательные порядки! Они относятся к своим установлениям, как к дару небесному.

"Деньги", — утверждают едгиниане, — суть символ долга, это — таинство, в коем род человеческий обретает то, что ему желательно. Возможно, род человеческий — не лучший судия, но лучшего — нет". Поначалу это меня отталкивало, ибо я помнил авторитетное высказывание о имеющих богатство, которым трудно войти в царство небесное; но Едгин так на меня повлиял, что на многое я стал смотреть иначе, и теперь мне не удается отделаться от мысли, что, может быть, не имеющим богатства войти будет еще труднее."

В той же книге, но несколько ранее цитировавшегося пассажа, Батлер насмехается над моралью кассовых аппаратов и религиозностью индустриализованного мира, представляя её в личине "Музыкальных Банков" со священнослужителями в роли кассиров. В цитированном месте Батлер усматривает в деньгах "тайство, в коем род человеческий обретает желаемое". Деньги, говорит он далее, "суть внешнее и зримое знамение внутренней и невидимой добродетели".

Деньги, как социальный посредник, то есть продолжение внутренних желаний и побуждений, творят общественные и духовные ценности, что заметно, например, даже в моде на женские платья. Вот недавнее рекламное объявление из ряда многих, подчеркивающее этот аспект одежды как валюты (то есть общественно значимого тайства или внешнего и видимого знака): "По сегодняшней моде важно выглядеть одетым в популярную ткань". Приверженность моде, конформизм по отношению к именно такому, а не иному, фасону, буквально наделяет обращенностью и обратимостью – а это ведь свойства валюты – модный стиль или модную ткань,, чем создается общественный посредник, иначе говоря, социальное средство информации, увеличивающее благосостояние и, тем самым, выразительность. Разве из этого не видно, каким образом деньги, или любое иное средство массовой информации, учреждаются и приобретают действенность? Когда же люди начинают испытывать неудобства и переживать чувство неуютности в присутствии таких общественных ценностей, которые были достигнуты за счет единобразия и воспроизводимости, исполняющих желания рода людского, то эту обеспокоенность можно считать знанием заката механической технологии.

"Деньги говорят", – потому что деньги суть метафора, пересылка, мост. Как слово или язык, так и деньги – сокровища коллективных результатов труда, навыков и опыта. Деньги, однако, являются, к тому же, специализированной технологией, вроде письменности; и, наподобие того, как письменность интенсифицирует зрительный аспект речи и упорядоченности, а часы явственно отделяют время от пространства, так и деньги выделяют труд из числа прочих социальных функций. И ныне деньги служат языком для перевода крестьянского труда в работу парик-

макера, врача, инженера или водопроводчика. Будучи развернутой социальной метафорой, мостом, переводчиком, деньги – как и письменность – ускоряют обмен и стягивают узы взаимозависимости в любой общине и каком угодно обществе. Политические организации используют деньги для распространения и управления в пространстве, точно так же они применяют письменность или календарь. Деньги действуют на расстоянии, как в пространстве, так и во времени.. В высокообразованном алфавитном – и, следовательно, – фрагментированном обществе "время – деньги", а деньги – хранилище усилий и времени других людей.

В Средние Века идея фиска<sup>14</sup> или "королевской казны" заключала в себе воззрение на деньги, сопряженное с языком ("королевский английский"<sup>15</sup>) и с коммуникацией посредством путей сообщения ("королевская дорога"). До пришествия книгоиздания представлялось вполне естественным видеть в любых средствах сообщения продолжения одного тела. Во все более "грамотеющим" (то есть пропитывающимся технологией азбуки) обществе со временем возрастал и упор на зримость и фрагментарность, навязываемый деньгами и часами. По сути дела, наша западная манера пользования деньгами как хранителем и преобразователем общих трудов и навыков развивалась по мере длительного привыкания к писаному слову и под его покровительством, а записаное слово имеет власть специализировать, уполномачивать и разобщать функции в организации.

Если приглядеться к природе денег и манере пользования ими в небуквенных обществах, станет яснее, каким образом письменность содействует учреждению валюты. Единообразие товаров и прочих благ в сочетании с системой постоянных цен, вроде той, благодеяниями которой мы пользуемся ныне, не появится прежде, чем письменность подготовит почву. "Отсталые" страны тратят так много времени на достижение экономического "подъема" потому, что они не прошли через экстенсивную обработку книгопечатанием, которое преобразует психологию, готовя её к единообразию и воспроизводимости. В общем, Запад очень мало сознает, насколько присущий ему мир цен и перечислений поддерживается всепроникающей визуальной культурой грамотности, основанной на азбуке.

У неалфавитных обществ все еще нет психических ресурсов, достаточных для создания и поддержания гигантских структур статистической информации, которые называются у нас рынками и ценами. Куда легче организовать производство, чем обучить все население навыку перевода желаний и страстей, так сказать, в статистику — с помощью рыночного механизма спроса и предложения, и визуальной технологии ценообразования. Сам Запад лишь с восемнадцатого столетия начал понемногу принимать эту форму перевода внутренней жизни души в новую статистическую конфигурацию рыночной экономики. Мыслителям того времени этот новый механизм казался до того чудо-вищим, что они заговорили о "гедонистическом исчислении". Ценообразование производило тогда впечатление, сравнимое, в смысле чувствований и пожеланий, лишь с обширным миром пространства, породившим, несколько ранее, из неправедности своей преобразующую власть дифференциального исчисления. Словом, фрагментация внутренней жизни с помощью цен казалась семнадцатому веку столь же таинственной, сколь загадочным казалось шестнадцатому веку мельчайшее расщепление пространства средствами математического анализа.

Предельная абстрагированность и отчужденность нашей системы цен совершенно немыслима и неприменима в среде населения, приученного к страстным драмам ценообразования, возникающим всякий раз, когда заключается сделка и оба ее участника яростно торгаются друг с другом.

Сегодня, по мере формирования новых силовых турбулентностей — а очертания этих энергетических вихрей задаются текучей и мгновенно передающейся взаимозависимостью всех людей на этой планете — визуальный фактор в организации общества и роль зрения в личном чувственном опыте понемногу сходит на нет, из-за чего деньги все меньше и меньше являются средствами для хранения и обмена трудовых усилий и навыков. Автоматизация, которая основывается на электронике, не является разновидностью физического труда, нет такого труда и в программируемом обучении или познании с помощью программ. По ходу вытеснения труда чистейшим потоком информации, день-

ги, выступающие в качестве средства для складирования тру-  
дозатрат, сливаются с информационными формами кредита и  
кредитных карточек. От звонкой монеты к валютным банкнотам  
и от бумажной валюты к кредитным карточкам – такова устойчи-  
вая направленность пути преображения коммерческого обмена  
в информационное движение как таковое. Эту склонность к  
всеобъемлющей и включающей в себя информации и является собой  
кредитная карточка, и образ, являемый ею таков, что в нем  
вновь проявляется характер племенных денег. Ибо племенное  
общество, не ведающее разделения труда и специализации ра-  
бочих профессий, и в деньгах не способно узреть нечто "спе-  
циальное". Деньги подобного общества могут поедаться, выпи-  
ваться или надеваться, подобно тому, как теперь разрабатыва-  
ются космические корабли, которые, в случае чего, можно бу-  
дет съесть.

I6.

К тому же, "работа" в неалфавитном мире не существует. Первобытный охотник или рыбак – не работают, во всяком случае, деятельность их может быть названа трудом не с большим осно-  
ванием, чем занятия современного поэта, художника или мысли-  
теля. Когда в деятельность вовлечен весь человек – полност-  
ью и в целом, – это нельзя называть работой. Работа начина-  
ется с разделения труда, разобщения задач и специализации  
функций в оседлой сельскохозяйственной общине. В эру элек-  
тронно-вычислительных машин мы вновь всецело вовлекаемся в  
свои роли. В электрическом веке "занимаемый пост" или "рабо-  
чая должность" оборачивается посвящением и принятием на себя  
обязанностей, подобно тому, как это бывало в племенных об-  
ществах.

В небуквенных обществах деньги связаны с прочими органи-  
ми общества весьма простым образом. Роль денег сильно возрас-  
тает после того, как они начинают подстегивать расщепление  
и обособление социальных функций. В буквенном обществе день-  
ги, по сути дела, становятся главнейшим средством взаимоувя-  
зываания все более специализирующихся и отчуждающихся друг  
от друга видов общественной деятельности. Расщепляющая  
власть зрения, отделяемого азбучной грамотностью от прочих  
органов чувств, гораздо легче опознается ныне, в наш элек-

ронный век. Современность с её компьютерами и электрическим программированием такова, что средства для хранения и перемещения информации становятся все менее и менее зримыми и механическими, приобретая все более и более целостность и органичность. Целостное поле, творящееся мгновенно текущими электрическими образами, увидеть невозможно – для этого нужно визуализировать скорости электронных частиц. Мгновенность скоростей и текущесть творят взаимодействие между временем, пространством и занятиями людей, и старинные формы обмена с помощью валюты во всё возрастающей степени не удовлетворяют создающемуся положению. Так и в науке: физик, попытавшись он приспособить визуальную модель восприятия к данным об атомах или ядрах, просто не сможет подойти к сущности стоящих перед ним задач. И время (зрительно размеренное и поделенное на четкие интервалы), и пространство (единообразное, равномерное, изобразительное и замкнутое) исчезают с наступлением электронной эры, когда информация течет с мгновенной скоростью. В эпоху мгновенно текущей информации человек расстается со своей должностью – одной из множества фрагментированных специальностей – и обращается к роли собирателя информации. Сего́дняшнее собирательство сведений возрождает содержательную – то есть включающую в себя и всеобъемлющую – концепцию "культуры", – это в точности та же концепция, что действовала в жизни первобытного собирателя пищи, проводившего свои труды и дни при сохранении полнейшего равновесия со всей целокупностью окружающей среды. Нашим уделом отныне, в этом новом кочевом мире, в котором "нет работы", становится познание и интуитивное понимание творческих процессов в жизни человека и общества.

Люди оставили замкнутый мирок племени ради "открытого общества", обменяв слух на зрение при посредстве технологии письменности. Разорвать заколдованный круг резонирующей магии племенного мира особенно помогла азбука. Сходный процесс во времена более близкие к нашим произошел в экономике, – хозяйственная жизнь была преобразована на путях перехода от замкнутого общества к открытому, и от меркантилизма и про-

текционизма в отношении внутреннациональной торговли к идеалу открытого рынка и свободной торговли, — преображение это стало возможным благодаря переходу от звонкой монеты к бумажным банкнотам. Сегодня же электрическая технология угрожает самой концепции денег, и эта угроза становится всё серьезнее по мере того, как вновь возникающая динамика взаимозависимости между людьми уводит от фрагментирующих средств информации, вроде книгопечатания, к содержательным и включающим в себя, то есть массовым информативным средствам типа телеграфа.

Так как все средства сообщения суть наши продолжения — то есть продолжения во времени и пространстве наших тел и наших органов чувств — или, иначе говоря, они переводят какую-то часть от нас самих в тот или иной материал, то каждое расследование любого информационного посредника помогает нам понять себя. Деньги — не исключение. Примитивное, но есть доалфавитное использование денег представляет особенный интерес в смысле просвещения, поскольку оно демонстрирует, что любой запас товаров может без труда восприниматься в качестве средства коммуникации. Для неалфавитного человека куча любого добра — деньги, частично потому, что запасы общины суть столь же средства связи, сколь и богатство. Хлопок, зерно, скот, табак, лес, рыба, меха и множество иных товаров выступали в качестве главной из сил, придающих очертания обществу. Когда же одна из таких разновидностей богатства гла-венствует над прочими внутрисоциальными узами и связями, то она служит, наряду с прочим, сокровищницей ценностей и переводчицей, то есть средством взаимообмена трудовых навыков и задач.

Известное из классической античности проклятие, павшее на царя Мидаса, обретшего власть переводить всё, чего бы он ни коснулся, в золото, отражает, в ~~излишнейшине~~ какой-то степени, свойства любого средства информации, в том числе и языка.. Этот миф обращает внимание на волшебные свойства, присущие всяческим продолжениям человеческих чувств и тел, каковыми являются все технологии. Все они прокляты тем же заклятием, что и Мидас. Когда община разовьет некоторое продол-

жение себя, она бывает склонна позволить прочим своим функциям измениться ради приспособления к новой форме.

Язык, подобно валюте, действует в качестве сокровищницы восприятия и в качестве передатчика восприятия и чувственного опыта, накопленного одним человеком или одним поколением людей другому человеку или поколению.. Правда, будучи переводчиком и хранителем пережитого, язык способен извращать или сводить на нет нажитый опыт. Однако, чрезвычайная выгодность ускорения в обучении и обретения возможности передавать знание и интуицию во времени и пространстве без труда перевешивает неудобства, проистекающие из лингвистического кодирования чувственного опыта. В современной математике и новейшей науке, кстати, становится всё больше невербальных методов кодирования опыта.

И деньги, которые, подобно языку, хранят труд и опыт, выступают в ролях переводчика и передатчика.. Но с тех пор, как печатное слово подстегнуло обособление социальных функций друг от друга, способность денег отойти от роли сокровищницы труда возросла. Роль эта была очевидной, когда деньгами служили рыночные товары или какие-то иные богатства, вроде скота или пушнины. С отделением денег от первоначальной товарной формы и превращения их в специализированного агента по обмену (то есть в переводчика ценностей), скорости и объемы обращения денег непрерывно росли.

И во времена, более близкие к нашему, драматическое приключение бумажных, отпечатанных в типографии банкнот, то есть "представительных денег"<sup>17</sup>, выступающих в качестве представителя или заменителя денег товарных, вызвало замешательство. Во многом похожим путем технология Гутенберга сотворила новую обширную республику букв и создала неразберику в вопросе о границах и связях между царствами литературы и будничной жизни. Представительные деньги, основываясь на типографской технологии, творили новые меры ускорившегося доверия и новые скоростные размерности кредита, с которыми нельзя было совместить инертность массивных золотых слитков и малоподвижность товарных денег. Бывали и потуги заставить

эти новые стремительные деньги научиться поведению медлительной золоченой кареты. Дж.А.Кейнс так отзыается о подобной политике в своем "Трактате о деньгах":

"Итак, понадобилась целая - и длительная - эпоха, чтобы товарные деньги, наконец, сошли на нет, и наступила эра Представительных Денег. В течение этого периода времени золоту пришлось перестать быть просто монетой, кладом сокровищ, осязаемым провозглашением благосостояния, ценность которого не ускользает, пока рука цепко удерживает материальные блага. Золоту пришлось претерпеть превращение в нечто все более отвлеченное - и оно стало просто стандартом ценности; номинальный же статус золото удерживало лишь благодаря тому, что время от времени небольшие количества его переходили от одного Центрального Банка к другому Центральному Банку, - в этом возникала необходимость, когда один из группы Центральных Банков чрезмерно увеличивал или сокращал объем выпускаемых им банкнот, что вносило разнобой в деятельность прочих банков группы."

Бумажные, то есть представительные деньги отчуждались от своей классической роли сокровищницы труда ради столь же старинной и основополагающей функции, также извечно исполняемой деньгами: передачи и перевода любого рода работы в какой угодно иной вид труда. Точно таким же образом, алфавит, решительно и здимо абстрагировавшийся от богатейшей иероглифической культуры Египта, в то же время свел эту культуру к античности, переведя её в гигантский визуальный вихрь греко-римского мира. Алфавит есть односторонний процесс низведения небуквенных культур на степень специализированных визуальных фрагментов нашего западного мира. Деньги - придаток этой специализированной алфавитной технологии, возносимый на новый уровень интенсивности гутенберговской формой механической воспроизводимости. Как алфавит нивелировал расхождения примитивных культур, переводя свойственную им разнородность и усложненность в простоту и здимость, так и представительные деньги снижали

и сводили на нет духовные и моральные ценности девятнадцатого века. Подобно тому, как бумага распространяла мощь алфавита, властного привести неграмотных, то есть оральных варваров к единобразию цивилизации Рима, так и бумажные деньги даровали западной промышленности способность покрыть всю поверхность земного шара.

Незадолго до пришествия бумажных денег сильно возросшие объемы пересылки информации в Европе за счет "еженедельных писем"<sup>18</sup> и газет сотворили образ и концепцию Национального Кредита. Этот корпоративный образ кредита (то есть доверия) возникал тогда, как, впрочем, и ныне, из быстрого и всепронизывающего движения информации, которое воспринимается нами как некий само собой разумеющийся дар вот уже лет двести, если не больше. На этой стадии, с возникновением общественной системы кредита, деньги еще сильнее вживаются в роль переводчика, — теперь уже не только локальные ресурсы труда поддаются переводу, но можно переводить богатства в общенациональном масштабе и из одной культуры в другую.

Среди неминуемых следствий ускоренного движения информации и способности денег к переводу появляется и возможность быстрого обогащения: для тех, кто способен предчувствовать — за несколько лет или несколько часов — надвигающиеся перемены и преобразования. Особенно хорошо нам знакомы примеры, когда, благодаря ранней осведомленности, человеку удавалось разбогатеть, манипулируя с акциями, облигациями или недвижимостью. В прошлом, когда связь богатства с информацией ещё не была столь очевидной, некоторый социальный класс в целом бывал в состоянии единолично присваивать прирост благосостояния, достигнутый за счет причинного сдвига в технологии. Как раз о таких случаях сообщает Кейнс в работе "Шекспир и прибыльные инфляции", где объясняется, что, поскольку все вновь возникающее богатство со всей его увесистой позолотой достаются поначалу правящим классам, те внезапно ощущают прилив буйного венчалья и эйфории, они радуются избавлению от привычных тревог и напряжений, и это подвигает к процветанию, которое, в свою очередь, вдохновляет обитающего на чердаке и умирающего с голода художника на изобретение победоносных ритмов и лику-

ющих форм в живописи и поэзии. До тех пор, пока прибыли не-  
сутся вскачь, а заработка плетутся где-то далеко позади,  
правящий класс имеет возможность гарцевать в манере, которая  
волнует душу обнищавшего художника и порождает в ней величест-  
венные замыслы. Стоит, однако, прибылям и заработкам войти  
в постижимое разумом соприкосновение, как безудержная ра-  
дость правителей блекнет, а искусство теряет способность  
получать благодеяния от процветания.

Кейнс открыл движущие силы денег как средства сообще-  
ния. Подлинная суть задания, ставящегося перед исследованием  
данного средства информации, та же, что и в случае изучения  
всей совокупности средств массовой коммуникации, и заключа-  
ется она, как пишет Кейнс: "в динамичном истолковании зада-  
чи, когда анализируются разнообразные привходящие начала с  
тем, чтобы удалось выявить как причинный процесс, посредст-  
вом которого определяется уровень цен, так и способ перехода  
из одного положения равновесия в иное равновесное положение".

Словом, деньги – не замкнутая система, и сами по себе  
они не могут значить того, что значат. Будучи переводчиком  
и усилителем, деньги имеют чрезвычайную власть заменять один  
род вещей иным. Специалисты в области теории информации при-  
шли к выводу, что степень, в которой ресурс одного рода мо-  
жет быть заменен ресурсом иного рода, растет по мере роста  
информации. Чем больше мы знаем, тем меньше зависим от како-  
го-то одного вида пищи, топлива или сырья. Теперь одежду или  
мебель можно делать из множества самых разнообразных матери-  
алов. Деньги, которым, в течение многих веков, приходилось  
служить главнейшим передатчиком и важнейшим менялой информа-  
ции, могут теперь всё больше и больше избавляться от этих  
обязанностей, взваливая их на науку и автоматику.

Сегодня и у естественных ресурсов имеется информацион-  
ный аспект. Природные богатства существуют благодаря добро-  
детелям культуры и навыкам некоторого общества. Верно, меж-  
ду прочим, и обратное. Все средства массовой информации –  
то есть продолжения человека – суть природные богатства, ко-  
торые существуют благодаря определенным достоинствам данной  
общины, умеющей разделять находящиеся в её коллективном вла-

дении познания и навыки между отдельными группами и лицами, входящими в эту общину. Именно осознание этой стороны денег до того поразило Робинзона Крузо во время посещения им разбитого судна, что он пустился в раздумья, цитировавшиеся в начале этой главы.

Когда есть какие-то блага, но нет еще денег, следует ожидать, что возникнет какая-то разновидность меновой торговли, то есть прямого обмена одной вещи на другую. А когда в небуквенных обществах вещи используются в непосредственном обмене, то, кроме прочего, бывает легче заметить склонность таких вещей к исполнению функции денег. Пусть, например, с некоторым материалом можно что-то сделать, если доставить этот материал с какого-то расстояния. Это значит, что предмет хранит в себе труд и информацию, то есть технические знания в объеме, который требуется для изготовления этого предмета или для выполнения с ним каких-то иных действий. Так вот, когда один такой предмет обменивается на другой, он уже, тем самым, принимает на себя обязанности денег, выступая в качествах переводчика и множителя, приводящего многообразные вещи к общему знаменателю. Общий знаменатель (или переводчик), кроме прочего, сберегает время и ускоряет обмен. Так что, деньги – время, и трудно отделить в деятельности денег экономию труда от экономии времени.

В истории Финикии есть одна тайна: финикияне, как известно, будучи завзятыми мореходами и алчными купцами, перешли на звонкую монету позже сухопутных лидийцев. Напрашивающееся объяснение этого запаздывания вряд ли исчерпает финикскую проблематику, но зато позволит четко увидеть одно основополагающее обстоятельство, имеющее отношение к деньгам как средству сообщения: дело в том, что купцам, путешествующим с караванами, нужны были легкие и удобные в транспортировке средства оплаты. Торговцы-мореходы же, вроде финикийцев, могли как-то обходиться. Удобство в переноске – портативность, как средство ускорения действия и увеличения расстояния, на котором действие сохраняет действенность, становится заметным также на примере папируса. Одно дело – буквы на глине или камне, и совсем другое – на легком папирусе. Результирующий

скакок в скорости и пространстве создал Римскую империю.

В промышленную эпоху становящаяся всё более точной мера труда во все большей степени раскрывается через экономию времени, которая оказывается самой главной стороной экономии трудозатрат. Такие средства массовой информации, как деньги, письменность и часы начинают вновь сливаться в некоем единстве и органическом целом, что неизбежно приближает нас к целостному вовлечению человека в его работу, которое естественно для туземца в примитивном обществе или художника в его мастерской.

Среди прочих черт денег имеется одна, что позволяет естественным образом перейти к числу, — это потому, что у ~~денег~~ кучи денег или у денежного сбора касс есть много общего с толпой. Элиас Канетти подчеркивает, что главной движущей силой толпы является устремленность к быстрому и безграничному росту. Та же энергетическая динамика характеризует и крупномасштабное сосредоточение богатств или драгоценностей. По сути дела, в народе ныне бытует миллион, — в качестве обиходной единицы исчисления сокровищ. Эта единица исчисления приложима к какой угодно валюте. Слово миллион подразумевает устойчивое представление о возможности внезапно разбогатеть с помощью спекулятивных махинаций. В том же стиле Канетти разъясняет, каким образом честолюбивое вождение к видению нагромождающихся друг на друга и разбухающих чисел стало неотъемлемой особенностью речей Гитлера.

Но скопища людских масс и пачек денег не только безудержно стремятся к росту; они же питают крайне неуютное ощущение, которое говорит: все это вот-вот лопнет и рассыплется в прах. Такого рода движение — сразу в двух направлениях: экспансии и дефляции — и представляется причиной беспокойства и тревоги, ощущаемых толпой, а также того неуютного чувства, что приходит вслед ~~за~~ благосостоянию.. Канетти тратит добрую долю своего исследования на показ воздействия на души людей инфляции после первой мировой войны. Обесценивание гражданина шло в паре с падением курса германской марки. Это была такая потеря лица и цены, что в счете личностных и денежных единиц все перепуталось.

.....

III7.

## Примечания переводчика

<sup>1</sup> - кредитная карточка - заменяет наличные деньги и чеки. Главное отличие её от чековой книжки, что расчеты производятся не магазином, а банком. Обладатель карточки просто показывает её в магазине, а тот пересыпает сведения о стоимости покупки банку. Карточка показывает, так сказать, потребительский потенциал её обладателя: есть несколько типов карточек, различающихся максимальной стоимостью возможной покупки, причем знать, сколько денег на счету покупателя совсем необязательно ни продавцу, ни самому покупателю. Если последний превысил сумму своего счета, карточка его становится недействительной, о чем сообщается всем фирмам, принимающим карточки. Все расчеты ведутся средствами вычислительной техники (информационно-вычислительными сетями и т.п.).

<sup>2</sup> - Термин "*media*" (*mass media*) принято переводить на русский язык громоздкой конструкцией "средства массовой информации" или "средства массовой коммуникации" (СМК). Между тем, "медиа" (ед.число "медиум"), означает: средство, способ; среда; посредник; а в отношении к информации ещё и: переносчик, переносящая среда. Отсюда избранная форма заголовка (дословно - то есть пословно - заголовок книги можно перевести так: "Понимая средства массовой информации: продолжения человека").

Во избежание монотонности в тексте перевода этот термин не всегда передается единообразно. В соответствии с оттенком термина и контекстом "медиум" переводится: средство (массовой) информации, средство (массовой) коммуникации, средство сообщения, (информационный) посредник.

<sup>3</sup> - Ференци - последователь З.Фрейда.

<sup>4</sup> - По Фрейду эротизм в человеке развивается проходя через три стадии: оральную (рот, язык), когда либидо удовлетворяется за счет, например, сосания груди младенцем ; анальную (заднепроходное отверстие), когда удовлетворение достигается испражнением; и вагинальную - (влагалище).

- 5 - Маклюэн делит все культуры на алфавитные и буквенные и на неалфавитные (или небуквенные). Как в англоязычном оригинале, так и в русском переводе "буквенный" = "алфавитный".
- 6 - Немецкоязычный литератор еврейского происхождения, уроженец Болгарии. Лауреат Нобелевской премии по литературе №2 (1982 г.).
- 7 - Новый термин, недавно узаконенный в русском языке (во всяком случае, в информатике, вычислительной технике и сопряженных областях). Значит: образец, пример, модель, шаблон; образчик (материи); узор, орнамент; конфигурация, структура.
- 8 - Перевод А.Кадыбаскина.
- 9 - Т.е. Южной части Тихого Океана (Полинезия, Микронезия и Меланезия).
- 10 - Потлач - ритуальное празднество с приношением даров и обильным угощением у северо-американских индейцев.
- 11 - Борнео теперь называется - остров Калимантан.
- 12 - Противопоставляются друг другу два типа денег: товарные и представительные (репрезентативные).
- 13 - Название книги представляет собой прочченное в обратном порядке слово "*nowhere*" = "нигде". Отсюда: едгин, то есть утопия.
- 14 - Фиск - от лат. сокровище - казна государства (которое в западно-европейских языках, в отличие от русского, обозначается словами не одного корня со словом государь).
- 15 *the King's English* - литературный английский язык.

I6 - Эти строки Маклюэн писал в начале 1960-х годов, во время эйфории, вызванной успехами космонавтики. Такие проекты публиковались и в журнале "Техника - молодежи" того времени.

I7 - Иногда этот термин просто транскрибируется (репрезентативная валюта, репрезентативная демократия и пр.). См. также прим. I2 - выше.

I8 - Эти еженедельные письма в XVII веке рассыпались подписчикам, живущим в провинции. Выполняли функцию появившихся позже газет. Первая газета в России, петровские "Санктпетербургские ведомости" была больше похожа на такое "еженедельное письмо новостей", чем на газету в собственном смысле слова.

§§§§§